

И.А. Грачев

К ВОПРОСУ О КЫШТЫМАХ

Названия *кыргыз* и *кыштым* (или *киштым*) являются неразлучными спутниками на страницах русских документов XVII в. Если первые упоминания о наименовании *кыргыз* мы находим в китайских документах, относящихся еще к гуннскому времени, то термин *кыштым* в форме *Kištīm* впервые упоминается в надписи, сделанной орхоно-енисейским письмом на скале Кемчик-Кая Бажи на правом берегу р. Кемчик, и относится к VII в. С этого времени оба имени — *кыргыз* и *кыштым* — встречаются вместе на страницах различных исторических документов вплоть до XVII в. В этой определенной закономерности, несомненно, отразились конкретные исторические реалии. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все случаи упоминания имени *Kištīm* в тюркское и монгольское время подразумевают некую местность или народ. Например, в надписи на скале *Кемчик-Кая Бажи* повествуется о том, что некий «*Ыначу — именитый чагши, начальник в Черном хребте (Кара сэнгир) и великий у (народа) шести подразделений в Кешдиме, освоил (обжил) Кара сэнгир*» [Малов 1952: 44–45].

Еще несколько упоминаний о *Kištīm*, или *Ges-dum*, содержится в целом ряде центрально-азиатских и китайских манускриптов, цитируемых Луи Амбисом в его статье, опубликованной на страницах “*Journal Asiatique*” [Hambis 1958: 313–320]. Луи Амбис, вслед за Пеллио, приходит к выводу о тождественности всех транскрипций имени *кыштым* и датирует самое раннее его упоминание 650 г. [Ibid.].

Наиболее полные сведения о *кештым* содержит арабский географический трактат *Китаб Худуд ал-‘алам мин ал-Маширик ила-л-Магриб*, написанный в 982–983 гг. Здесь, в разделе, посвященном области расселения кыргызов, приводятся следующие сведения:

«*Кесим — название другого народа, так же из хырхызов, [они] поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халлухской, а по одежде они напоминают кимаков*» [Материалы по истории киргизов и Киргизии 1973: 42].

«Сокровенное сказание монголов», как и многие другие хроники монгольского времени, скорее всего восходящие к какому-то единому монгольскому первоисточнику, упоминают имя *кыштым* в перечне стран и областей, завоеванных старшим сыном Чингисхана — Джучи — в результате похода 1218 г [Сокровенное сказание монголов 1990: 119]. Эта серия монгольских цитат заканчивается в XVII в. летописью «Алтан тобчи» Лубсана Данзана.

«Джочи вошел в земли ойратов, бурыйатов, баргутов, убсусов, хабасагов, тубасов, и когда он дошел до земель түмэн-киргизов, то киргизские найоны Идей-инал, Алтай-эрэ, Өрөбэк-дигит, изъявляя покорность и желая мира, прибыли представится Джочи, принесли с собой белых кречетов, белых коней и черных соболей.

Джочи привел под власть [монголов] лесные народы, такие как шибер, кэсдэм, баид, тухас, тэлэнг, төгүлэс, тан-бичигэт. Взяв с собой нойанов лесных народов, ноянов киргизских, туматских и мингатских, Джучи прибыл к августейшему Чингис-хакану и представил их вместе с их белыми кречетами, белыми конями и черными соболями» [Алтан тобчи 1973: 184].

В русских документах имя *кыштым* начинает встречаться с 20-х гг. XVII в. в трех значениях: 1) как этноним применительно к асекиштымам, кыштымским татарам, саянским кыштымам; 2) как социально-экономический термин; 3) как политический термин. Если первый вариант прекрасно согласуется с рассмотренной выше письменной традицией и восходит к VII в., то два других как будто бы являются новшеством и в этом значении ранее не употребляются.

Чаще всего кыштымы упоминаются в связи со сбором ясака. Кыргызы в своих объяснениях неоднократно указывали на прямую связь между кыштымами и сбором ясака. Так, в 1625 г., отвечая на расспросы Петра Саванского, посланного из Тобольска в Кыргызскую землю для урегулирования накопившихся обид, кыргызы говорили: *«Сами соболей и инова зверя промышлят не уме(им). Имали в ясак у своих ясачных людей, у кыштымов, то государев ясак и давали» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 50].*

В 1628 г. на предъявление вины посольством Дмитрия Черкасова кыргызы отвечали: *«Тем де, государ, нас и де стал от своей высокие руки отгонят, которые природные холопи киштымы наши были и те наши киштымы все ныне за ним, государем, и ясак с них збирают в Томской город, а с иных — в Кузнецкий острог и в Мелеской. Лутчие наша холопи княз Тоян со всеми своими тоянцы живут за ним, государем,*

в Томском городе. И нам самим ясаку ему, государю, по десять соболей давать не с чево и забирает нам не с ково. Живем в степи, а по лесу на лешнях не зверуем и соболей не добываем и больши ста соболей ныне да и в перед ясаку с нас не будет; в том ево государственная воля» [Там же: 75]. «А больше ясаку имать нам негде и давать не чево. А которые природные кыштымы наши были и те наша кыштымы все ныне за ним, государем, и сних ясак на государя збирают русские люди. И нам ясаку имать негде» [Там же: 82].

Из приведенных цитат совершенно очевидно, что кыштымы являлись основными поставщиками ясака для кыргызов.

Восприняв это название от кыргызов, русские широко использовали его. Если на первых этапах своего присутствия в регионе русские отождествляют термин *кыштым* с русским *ясачные люди* и используют его только по отношению к кыргызам и их данникам, то в дальнейшем сфера его употребления значительно расширяется. Так, в грамоте 1643 г., присланной томскому воеводе, приводится следующий случай:

«И говорили Федка да Пронка кыргызским людям, чтоб они нашего ясаку в Кузнецкой острог не давали для того кузнецкие де служилые люди их томских казаков кыштымы, а воевода де их кузнецкой томских воевод холоп» [Там же: 121].

В другой раз, во время конфликта красноярских и енисейских казаков в 50-х гг. XVII в., вызванного дележом бурятских ясачных волостей, енисейцы жаловались на красноярцев, что они, во-первых, ставили весь Енисейский уезд «ни во што», а во-вторых, называли «нас, холопей государевых, в ыноземцах: то де наши кыштымы» [Окладников 1937: 95].

Подобные разговоры вызвали среди ясачного населения «смуту» и «шатанье». Как видно из вышеприведенных отрывков, особенно оскорбляло енисейских и кузнецких казаков употребление красноярцами и томичами по отношению к ним слова *кыштым*. Негативное значение этого имени было очевидно. Эта цитата интересна еще и тем, что, по мнению енисейских и кузнецких казаков, «холопи государевы» и «кыштымы» — это далеко не одно и то же. По-видимому, имелись еще какие-то смысловые аллюзии, связанные с этим термином и делавшие его употребление оскорбительным.

Обращаясь к документам, относящимся к XVII в., можно заметить, что термин *кыштым* не распространялся на все объясненное кыргызами население. Укоренившееся в посвященной истории Южной Сибири XVII в. отечественной литературе отождествление

кыштымов и данников не совсем верно. Например, в своих показаниях, даваемых по самым разным поводам и случаям, кыргызы называли кыштымами далеко не всех своих данников, а всего лишь отдельные ясачные волости и конкретных людей. Наиболее часто этот термин использовался в отношении жителей Канской земли, население которой состояло из разноплеменных групп, говоривших на диалектах кетского языка. Другим «*кыштымским урочищем*» можно считать земли по рекам Кондоме и Мрассу, населенные тюркоязычными шорскими родами. Также в числе кыштымов упоминаются буклинцы, койбалы, чулымские и томские татары. Что касается других этнических групп, то по отношению к ним кыргызы термин *кыштым* не использовали. Стоит вспомнить по этому поводу, что ясак с окрестных народов кыргызы собирали не для себя, а для монгольских владетелей. И русским кыргызы платили только с себя, а не со своих данников. Так, в числе данников фигурируют тубинцы, маторы, качинцы, кызылы, аринцы, сагаи, саянцы и т.д., однако в документах того времени мы не встречаем ни одного упоминания о том, что они являлись кыштымами кыргызов. Более того, если мы будем внимательны, то увидим, что все народы, упоминаемые как данники кыргызов, окажутся данниками Алтын-ханов, а позже — джунгарских тайшей. В сборе ясака кыргызы играли всего лишь роль посредников, а не основных персонажей.

Создается впечатление, что термином *кыштым* обозначались какие-то другие, особые отношения, не исчерпывавшиеся одним сбором ясака. Стоит обратить внимание на то, что *кыштымская повинность* носила характер личных обязательств, и кыргызы неоднократно подчеркивали это:

«*А буклинцы де природные киштымы наши князца Идженея Инзарина*» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 81].

«*А Курчей де живет у кыштымов, а всево де у него 2 человека*» [Миллер 2000: 411].

Смысл этих отношений раскрывает следующее свидетельство, относящееся к 1643 г.: «...*сами де соболей не ловим, а емлем де за долг соболи у кыштымов*» [Там же: 410]; «...*ясачные люди, приходя в киргисы, емлют в долг лошади и шубы козлины, и за что им сулят платеж соболями и бобрами*» [Потапов 1957: 31].

Кыргызы ясно представляли себе отличие ясачного сбора от долгов и напрямую указывали представителям русской администрации на принципиальную разницу между сбором ясака и сбором долгов, между кыштымами и ясачными людьми.

«Мы де в государевы ясашные волости сами преж миру и после миру ходили и людей своих посылали не для ясаку, что нам з государевых ясашных людей ясак имат. Мы де ходили для своих долгов, что де государевы ясашные люди у нас емлют, из веку в долге лошади и шубы козлиные и мы де с них емлем не ясак а долги свои хто де нам в Кыргызской земле чем должен кому» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 121].

Помимо ясачной повинности, кыштымы привлекались и к различного рода работам, они обязаны были, как говорили русские служилые люди, *«ясак платить и подводы гонять»* [РГАДА. Ф. «Сибирский приказ». Стб. 1124. Л. 52].

В ответ на требование русских властей возратить ясачных, уведенных в кыргызские улусы, колмаки и кыргызы отвечали, что они кыштымов *«...взяли для того что они нужны, а по то де время покамест они справятца, и они де на свои старые урочища отпустят»* [Окладников 1937: 325].

Одной из обязанностей кыштымов было несение военной службы, выступать на стороне своего хозяина. В архивных документах сохранилось множество свидетельств о фактах подобных служб. Кыштымское ополчение играло роль вспомогательных отрядов при дружинах кыргызских и бурятских князей.

«...и што пошли ис Томского города служилые люди, и чатские мурзы, и Томские татороя, и белые колмаки кыргыз воевать, и у нас де у киргизов собраны тубинцы и маторцы, и кыштымы все вместе, и караулы у нас де у киргизов крепкие на все четыре стороны, и подъезды у нас частые» [Миллер 2000: 337].

«...де идут де воевать братские люди аринцев, и качинцев, и басагар, и керексусов, и мелеских людей, а брацких людей 3000, кроме кыштымов» [Там же].

«И он, вор Еренячко, надеючись на прежнюю свою воровскую удачу пришел под Красноярской и под Красноярские уезды, по обе стороны Енисея реки со всеми кыргызы: алтырцы и езерцы, и тубинцы, и с качинцы, и с аринцы, и со всеми своими кыштымы» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 81].

«За великим боем и за многими помычкам да к ним же кыргызам шли на помоч кыштымы их кыргызские. И мы красноярские служилые люди, подкарауля тех кыргызских кыштымов побили всех на голову же их и детей вполон поимали. Да у них же кыргызских кыштымов, нашли русских погромных животов, кресты и персни и серьги серебряные и платья из полоти холишебые и коны, которые отогнаны из Красноярского» [Там же: 161].

«...и на воров на Еренячка Ишеева с товарищи на кыргыз, и на тубинцев, и на алтырцов, и на езерцов, и на моторцев с товарищи разных землиц на кыштымов их и на всех изменников» [Там же].

В контексте приведенных выше цитат обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, кыштымы выделяются из перечня союзников кыргызов. Во-вторых, оказывается, что у союзников есть свои кыштымы. В-третьих, участвуя в набегах и погромах, кыштымы получали свою долю добычи.

Не только кыштымы, но и их хозяева несли целый ряд обязательств. Владелец кыштыма принимал деятельное участие в судьбе своего подопечного.

«...тот князец Кучейко со всею своей волости наши природные холопи, киштымы, как де их государю отдать? И нам и самим государеву ясаку взять будет негде? Да и для того нам и ево государю отдать не умест, что он перед государем виноват, государевых людей побил. И мы де то и сами ведаем, что за ту ево вину на том месте, где он людей побил, велит ево государь повесит» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 77].

«И кыргызские де князцы Талай да Тюлике тех наших мраских и кондомских ясачных людей от себя ис Кыргыз не отпустили, а сказали де кузнецким служилым людем, что те мраские и кондомские ясачные люди киштымы их кыргызские, а пришли де к ним кормитца» [Там же: 120].

Эти и подобные случаи употребления термина *кыштым* в русских документах XVII в. позволяют оспорить вывод, сделанный Г.Ф. Миллером о том, что «*кыштымами же по-татарски называются такие народы, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани*» [Миллер 2000: 57].

Как видим, термин *кыштым* никак не может быть применен к народам со стороны кыргызов в том смысле, который вкладывал в него Г.Ф. Миллер. Институт кыштымства выражал сложные социально-экономические отношения, сложившиеся у народов Южной Сибири в XVII — начале XVIII в. **Кыштымская зависимость не являлась ни политической, ни этнической.** Более всего отношения кыштыма и его хозяина напоминали отношения между патроном и его клиентом в древнеримском обществе, где клиента выражалась в персональном или коллективном подчинении клиентов главе рода или большой семьи, которому клиент был обязан прежде всего сельскохозяйственными повинностями с надельной земли и военной службой [Словарь античности 1993: 271]. Однако в сибирском

варианте имелась особая специфика генезиса таких отношений. Н.Н. Козьмин на основании этнографических наблюдений среди племен Минусинского края и Алтая предпринял попытку теоретической реконструкции торгово-ростовщических операций в среде таежных охотников и скотоводов дорусского времени. «В этих условиях, — пишет Н.Н. Козьмин, — и торговые отношения принимали кабальный характер. Охотник не может расплачиваться во всякое время. Его платежеспособность находится в зависимости от “урожая”, удачно или неудачно сложившихся условий охоты» [Козьмин 1925: 6]. «Поэтому торговля связывается с долговыми обязательствами, а большой риск вызывает огромный процент». «Обычное явление, что долг ежегодно удваивается» [Там же]. Тот же механизм закабаления применим и к скотоводам. Жизнь скотовода также изобиловала всевозможными неожиданностями, будь то эпизоотия, джут или военный набег. В кыштымскую зависимость, скорее всего, попадали мелкие рода и отдельные семьи, не имевшие по разным причинам общеплеменного покровительства или влиятельных и богатых родовичей, способных оказать безвозмездную помощь.

Третье значение названия *кыштым* известно из русско-монгольской переписки XVII в. **Кыштымами монгольские Алтын-ханы** называли всех своих саяно-алтайских данников, включая и кыргызов: «...а кержызы де и тубинцы и алтырцы и керетцы и с кыштымы — вечные наши кыштымы...» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 18].

География распространения этого термина как в VI в., так и в XVII в. **ограничивалась Саяно-Алтайским регионом** и непосредственно прилегающими к нему территориями. Долгая история использования термина *кыштым* в качестве топонима-этнонима наводит на мысль о длительно существовавшей области, заселенной народом с таким названием. Тексты, относящиеся к тюркскому и монгольскому времени, достаточно недвусмысленно на это указывают [Нанбис 1958: 313–320]. Исходя из этих свидетельств, область с названием *Кештым* находилась в непосредственной близости от страны кыргызов и характеризовалась как горно-таежная страна (*Худуд ал-‘алам*). Еще в XVIII в. **имя кыштым** входило в названия некоторых народов Саяно-Алтая — *кыштымские татары* [Линденау 1983: 147], *ашкыштымы*, *койбалкыштымы*, *канские кыштымы*.

Особенно интересно упоминание в русских архивных документах XVII в. **о неких саянских кыштымах**: «И как тебе ся наша грамота придет, а те будет Саянские кыштымы, не мунгалские, и не калмыц-

кие, и не кыргызские, а живут они собою и под нашу царскую высокую руку привести их мочно, и ты бы, смотря по тамошнему делу, велел тем кузнецким князцом Кунестейку с товарищи с нашими служилыми людьми над теми Саянскими кыштымы промышлять, чтоб их под нашу царскую высокую руку привести и ясак с них на нас иметь. А однолично б если высмотрел того накрепко, и посылал на тех не ясачных Саянских кыштымов наших служилых людей, смотря по тамошнему делу, чтоб наших людей уберечь от калмыцких и от мунгальских людей, и большого дурна на сибирские города не навесь» [Акты исторические 1842: 148–149].

Последними реликтами имени *кыштым* в этом смысле можно считать самоназвание ашкыштымов и одного из сеоков койбалов — *хыстым*, от которого происходит хакасская фамилия Кыштымовы [Кызласов 1960: 184].

Н.Н. Козьмин считал возможным производить слово *кыштым* от термина *кистэргэ*, что значит у минусинских племен «притеснять», «прижимать» [Козьмин 1925: 6]. Этой же точки зрения придерживались А.П. Окладников [Окладников 1937: 319] и Л.Р. Кызласов [Кызласов 1960: 182]. Иное мнение было высказано Л.П. Потаповым, разъяснявшим термин *кыштым* «из тюркского слова “киш” — “соболь”. Термин “кыштым”, следовательно, означал человека, имеющего соболей, что со временем стало означать данника, уплачивающего дань пушниной, и вообще зависимого человека, как “албату” у монголов» [Потапов 1952: 51]. Однако Л.Р. Кызласов справедливо указал на то, что такая трактовка весьма затруднительна [Кызласов 1960: 183–184].

Таким образом, мы видим, что наименование *кыштым* на протяжении всей истории своего существования использовалось в двух значениях: как название страны или народа и как социальный термин. Первое широко представлено в источниках **VI–XVIII вв.**, о бытовании второго мы знаем исключительно благодаря архивным документам, относящимся к **XVII — первой половине XVIII в.** Возможно, что второй вариант, несомненно восходящий к первому, вошел в употребление либо как следствие какого-то неизвестного нам исторического прецедента, либо как результат игры слов и смыслов. Тем не менее термин *кыштым* широко употреблялся как аборигенами, так и пришельцами, и вполне был понятен и тем, и другим. Имя *кыштым* как этноним употребляется до сих пор как в названии народа — ашкыштымы, так и в названиях родов и фамилий у хакасов и тувинцев.

Библиография

- Акты исторические. СПб., 1842. Т. IV. № 46. С. 148–149. (Из архива Кузнецкого уездного суда.)
- Алтан тобчи. М., 1973.
- Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995.
- Козьмин Н.Н.* Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.
- Кызласов Л.Р.* К этимологии термина «Кыштым» русских документов XVII в. // Учен. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. 1960. Вып. VIII.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан, 1983.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000.
- Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
- Потанов Л.П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952.
- Потанов Л.П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
- РГАДА. Ф. «Сибирский приказ». Л. 52. Стб. 1124.
- Словарь античности. М., 1993.
- Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990.
- Hambis L.* Kastim et Ges-Dum // Journal Asiatique. P., 1958. Т. CCXLVI. P. 313–320.